

Правила поведения работников ИНК и подрядных организаций в районах расселения и традиционного хозяйствования коренного малочисленного населения севера Средней Сибири

Вводные замечания

В географическом отношении понятие Север Средней Сибири охватывает северные районы Иркутской области, Красноярского края и Республики Саха-Якутии. Этнический состав современного населения этой территории представлен этнографическими (территориально-диалектными) группами коренных малочисленных народов (далее КМНС) и малочисленными группами русских старожилов - потомков русских крестьян – поморов, освоивших эти земли в первой половине XVII в. Особенно плотно заселены территориальными группами КМНС районы Красноярского края (долганы, ненцы, эвенки, нганасаны, кеты, селькупы, энцы, чулымцы). Из них около 12 тысяч человек проживают в сельской местности муниципальных образований: Таймырский Долгано-Ненецкий, Эвенкийский, Туруханский, Тухтетский, Енисейский и Северо-Енисейский.

Среди перечня видов традиционной хозяйственной деятельности этих народов, утвержденного **распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.05.2009 № 631-р**, наиболее характерны: промысловая охота, рыболовство потребительского назначения, добыча, переработка и реализация охотничьей продукции, сборы дикоросов (ягода, кедровый орех) которые также как и заготовки рыбы главным образом служат одним из традиционных видов продовольствия местного населения. На территории Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района обитает самая большая в мире популяция дикого северного оленя, насчитывающая около 400 тысяч голов. В зимний период с Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района на север Эвенкийского муниципального района мигрируют до 100 тысяч диких северных оленей, активизируя в указанной местности промыслы, связанные с охотой на дикого северного оленя.

По современным этнографическим источникам, включающим материалы о языке, антропологии и архаичным (уходящим корнями в неолитическую эпоху) элементам материальной и духовной культуры (верования, обычаи и обряды культового характера, типы жилых и хозяйственных построек, методы хозяйственного использования возобновляемых природных ресурсов) эвенки и эвены считаются близкородственными, одними из группы так называемых «палеоазиатских» обитателей этих территорий. Контакты русских старожилов, насчитывающих как минимум три столетия, явились не только причиной естественного восприятия ими и включения в их современную культуру значительного числа элементов материальной и духовной культуры коренных обитателей указанных районов, но и обусловили (в ранние периоды этнической истории русских старожилов) широкое распространение межэтнических брачных связей. В итоге – мировосприятие, язык, традиции бережного и, в определенном смысле сакрального, отношения к естественной среде обитания и хозяйствен-

ной деятельности в целом характеризуют как русское население, так и коренные малочисленные народы.

Суровые, крайне неблагоприятные для эффективного ведения традиционных отраслей хозяйства русских старожилов и этнографических групп северных якутов (земледелие и животноводство), условия Севера явились решающим фактором, определившим как частичное, так и полное замещение этих видов хозяйства пушным промыслом, охотой на копытных (северный олень, лось) и рыболовством. Изначально и до настоящего времени добыча пушнины (соболя, белки, песца, лисицы) являются одним из основных источников денежных доходов этих народов, а зверовая охота и рыболовство рассматриваются в качестве наиболее значимых источников обеспечения основными продуктами питания.

Законодательными актами и постановлениями федерального, республиканского уровней и международным правом районы обитания перечисленных народов выделены в категорию особо охраняемых «территорий традиционного природопользования», предусматривающих приоритетное право населяющих ее постоянных жителей как на хозяйственное использование всех видов угодий, так и активное участие в решении вопросов их промышленного освоения. Тундровое оленеводство осуществляется в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе, где проживает значительная часть оленеводов - на левом берегу р. Енисей в поселках: Носок, Тухард, Потапово, Хантайское Озеро, на правом берегу р. Енисей в поселках: Попигай, Новорыбная, Сындасско. Лесное оленеводство осуществляется в Эвенкийском муниципальном районе, в поселках Суринде, Эконде, Полигусе, Есее.

Общее поголовье домашних оленей в Красноярском крае составляет до 73,2 тысяч голов. Есть все основания утверждать, что указанные особенности традиционного хозяйства коренного и русского старожилого населения этих территорий (в особенности продуктивного оленеводства) и в целом естественная среда обитания имеют важнейшее значение для сохранения и воспроизводства их этнической целостности и этнокультурного своеобразия.

До настоящего времени, несмотря на известные преобразования в жизни, быте и культуре народов Севера Сибири, исконная среда их обитания воспринимается как «сакральное» (священное) пространство, соответствующего выражению «тайга – мой дом». Для городского жителя понятие «мой дом» ассоциируется преимущественно с замкнутым пространством уютной квартиры, за пределами которой расположен «чужой», а иногда и пугающе «враждебный» мир глухой тайги, бескрайней заболоченной лесотундры. Как бы не был знаком с этой «внешней» средой геолог, нефтяник, любой этнокультурно и ментально не связанный «иногородний» человек, это ощущение «чужого мира» преследует его на протяжении всей сознательной жизни. Быть может по этой причине, входящий в эту среду, вооруженный технологией и машинами человек чаще по недостатку знаний видит себя неким «покорителем дикой таежной глухомани», рассматривает природу как «безжизненное пространство», подлежащее «очеловечиванию» и преобразованию в место, достойное цивилизационным нормам XXI столетия. Отчасти это вызывает у коренного малочисленного и русского старожилого населения мягко говоря настороженное отношение к «пришлым», и явно негативное восприятие всяких необдуманных действий геологов, лесопользователей, нефтяников, производственная деятельность которых так или иначе нарушает сложившийся, перешедший в **традицию** порядок взаимоотношений между **человеком и вмещающей его природной средой**.

Для коренного населения, как и для русского старожилого населения, тайга и тундра до настоящего времени представляется **живым, чувствующим боль и раны на своем теле существом**. Земля и небо, вода и ее обитатели, всякое дерево, зверь и птица – живые существа, имеющие **свою душу**, склонные к тишине и покою и, потому, нередко мстящие тому, кто грубо вторгается в их привычный, размеренный, тысячелетиями складывавшийся уклад **жизни**.

Так, мифологические сюжеты фольклора эвенков, эвенов и, отчасти, северных якутов связывают происхождение всего живого на земле с **Энин Буга – матерью оленихой**. Полярная звезда – надежный ориентир бывалого таежника, представляется **«дымовым отверстием чума – жилища Сэвэки, хозяина «верхнего мира»**. Млечный путь – след мифического охотника **«Хэглэна»**, гонящего **«Небесного лося»**, которым представляется созвездие Большой Медведицы. В целом, этнографические материалы убедительно показывают, что коренные таежники прекрасно знали Звездную карту и именно по ней в долгую полярную ночь прокладывали маршруты своих кочевий. Обширные и точные знания о закономерностях смены циклов весенне-летнего «оживания» и осенне-зимнего «умирания» природы, удивительное знание примет, по которым распознаются такие явления, как дождь-непогода, пурга, и солнечный день, сезонные местоположения основных видов промысловых животных, времени захода промысловых рыб в устья притоков больших рек и многие другие знания помогали коренным охотникам – оленеводам и рыболовам вести свое достаточно эффективное хозяйство, в полной мере обеспечивать большую часть своих не хитрых потребностей в продуктах питания и сырья для домашних ремесел.

Как и в русской волшебной сказке, ворон считается «мудрой птицей», а ее поведение в конце марта - начале апреля служит верным указанием охотнику где искать оленя и лося. Медведь – «первый обитатель нарождающейся земли (Среднего мира в космогонии эвенков и эвенов) является одновременно и **Хозяином Нижнего мира – местом поселения умерших**, а волк – таким же охотником, как и человек. Одинокое стоящее дерево – вторая душа того или иного человека. Огонь в очаге и сам очаг – место обитания «женщины – хранительницы здоровья и благополучия семьи». Эти и многие другие мифологические представления коренных народов тайги и тундры отражают их удивительно богатый, мы бы сказали – поэтический, духовный мир.

Очевидно, учитывая такое отношение к природе эвенков и эвенов, северных якутов и русских первопоселенцев, первые ученые и пытливые бытописатели Сибири называли их «сибирскими аристократами», наделяли их такими эпитетами как «услужливы без раболепства, горды и смелы...», костюмы их напоминают костюмы испанских грандов». Удивительно точные знания о сокрытых и видимых природных богатствах, прекрасное ориентирование в незнакомых, необитаемых пространствах сибирской тайги и тундры, имели решающее значение для назначения представителей этих народов в качестве проводников этнографов, исследователей сибирской фауны и флоры, многочисленных геологоразведочных экспедиций и картографов. Практически в каждом кочевом стойбище и стационарном поселении эвенков и эвенов, якутов и русских старожилов в первые годы систематического изучения сибирских богатств можно было без особого труда отыскать местных «Улукитканов» и «Дерсу Узала», которые, в определенном смысле, стали первооткрывателями современных месторождений алмазов, золота и других редкоземельных элементов, нефти и газа.

И последнее замечание. Цель, ради которой писалась эта брошюра, в первую очередь состоит в указании на необходимость осознания читателем обязательно уважительного, терпимого отношения к пусть не совсем обычному, но освященному «за-

поведения предков» мироощущению этих народов. Безусловно, именно через такое отношение к традициям этих народов, соблюдение бытующих в их среде правил поведения человека (хозяина, но не безучастного покорителя) в природной среде достигается та главная задача промышленных компаний по установлению обоюдовыгодных, партнерских отношений с населением Севера.

Следует также отметить, современное эвенкийское и русское старожилое население осваивавшее Нижнюю Тунгуску с начала 17 века Катангского, Киренского и Качугского районов Иркутской области представлено малочисленными группами. Большая часть тех и других, объединившись в смешанные по этническому составу общины, **лишь сезонно** ведут промысловую охоту и рыболовство в границах своих «родовых» угодий. Круглогодично, имея в своем хозяйстве небольшие (от десятка до сотни голов) стада транспортных оленей, в течение всего года обитают непосредственно в тайге, выходя в стационарные поселения главным образом для сдачи пушнины. Так или иначе их отношение к деятельности промышленных компаний (в нашем случае Иркутской нефтяной компании) носит скорее неорганизованный характер. Выдвигаемые ими претензии по поводу нарушений среды хозяйственной деятельности, чаще всего преследуют цель защиты тех угодий, которые закреплены по традиции за **отдельными пользователями**.

В отличие от групп коренного населения Катангского района, перечисленные группы КМНС Красноярского края в настоящее время более многочисленны и объединены (по приятному закону об охране территорий традиционного природопользования) в постоянно действующие, моноэтнические «родовые общины». В качестве законодательно закрепленного регулятора взаимоотношений между традиционными природопользователями и входящими в край промышленными компаниями выступает официальное лицо - председатель объединения общин КМНС.

Прошедшие в апреле 2018 года встречи авторов этих строк доцента ИГУ М.Г. Турова и начальника отдела по связям с общественностью ООО «ИНК» В.Е. Елясова показали следующее:

- споры между КМНС и промышленными компаниями по поводу техногенных нарушений в границах **общинных территорий традиционного природопользования** имеют **организованный характер**;

- сложившиеся и закрепленные актами краевого правительства правила выдвигаемых общинами исков по существу решаются двумя способами: денежными и материальными компенсациями компаний за поправку угодий направляются как в адрес соответствующих органов власти края, так и непосредственно в адрес официальных представителей общин КМНС - избранных общим собранием ее постоянных членов;

- порядок и практика взаимоотношений общин КМНС с промышленными компаниями складывался на протяжении как минимум последнего десятилетия и члены общины выработали эффективные меры (как мирного, так и насильственного) решения споров и получения от компаний причитающихся компенсаций;

- неизбежные техногенные нарушения среды обитания и хозяйственной деятельности (в особенности в районах действующего крупностадного оленеводства) требуют особенно тщательного соблюдения мер по минимизации неизбежных последствий при прокладке транспортных путей для завоза промышленного оборудования, обустройстве захоронений промышленных отходов и иных результатов промышленной деятельности;

- по словам лидера общин КМНС Красноярского края игнорирование законных требований членов общин, как показывает практика их общения с предшествующими

ИНК компаниями, нередко приводит к активным (в том числе криминального характера) реакциям как индивидуальных, так и коллективных пользователей, в том или ином виде постоянно или сезонно осваивающих природные ресурсы в границах, **закрепленных за ними территорий традиционного природопользования.**

Участки местности и объекты повышенного внимания во время проведения поисково-разведочных и последующих видов работ

К таковым следует относить районы охотничьих, рыболовных и пастбищных угодий (сезонные выпасы оленей и крупного рогатого скота), а также места и отдельные объекты культового и ритуального назначения.

К первым, подлежащим охране в качестве «территорий традиционного природопользования категории, относятся участки угодий, осваиваемых и обустроенных несколькими поколениями членов той или иной родовой общины, группы родственных семей или членов отдельно взятой семьи. Охранные мероприятия, минимизирующие потери населения от производственной деятельности ИНК, включают **обязательное согласование** с местным населением мест расположения производственных объектов, вахтовых поселков, а также транспортных коммуникаций. При этом, следует по возможности исключать прокладку транспортных коммуникаций непосредственного в границах указанных территорий. Максимально исключать из сети коммуникаций объездов, разъездов для встречных потоков машин и тяжелого гусеничного транспорта, которые разрушают трудно регенерирующий покров угодий северной тайги и лесотундры. К этой же категории мер следует добавить максимально полный запрет пересечения тяжелым транспортом зимних мотонартенных и оленьих троп, по которым совершаются ежегодные кочевания охотников – оленеводов и на которых, чаще всего, устанавливаются ловушки на боровую дичь и пушных зверей.

Ко вторым - маршруты ежегодных перекочевок охотников-олeneводов, временные и стационарные стоянки и стойбища, как и аналогичные типы стоянок рыболовов как в таежной, так и лесотундровой зонах. В настоящее время, согласно устоявшимся традициям общественного договора членов той или иной «общины», они закреплены за отдельными пользователями и считаются «родовыми владениями». На местности они привязаны к бассейнам крупных рек и притоков, проточным озерам и старицам. Для безоленных охотников-рыболовов ориентирами, определяющими границы индивидуальных угодий, являются как мелкие ручьи и речки, так и проложенные на местности геолого-геодезические профили и просеки лесоустroительных экспедиций.

Долговременные стойбища зимнего, осеннего и весеннего сезонов, ежегодно посещаемые семьями кочевых охотников-олeneводов обозначены на местности стационарными жилыми (типа зимовий) и хозяйственными постройками (рубленными из дерева амбарами на сваях, деревянными наземными настилами для хранения продуктов и снаряжения, амбарчиками для хранения запасов ГСМ), а также запасами дров. В таежной зоне такого рода поселения, как правило, огорожены изгородями из жердей. К жилому комплексу весенних и осенних стойбищ, примыкают огороженные пространства серии сезонных пастбищ - «огородов» (от 3 до 5 ежегодно сменяемых для сохранения оленьего корма – ягеля сезонных пастбищ). Повышенное внимание следует обращать и на такие маркеры «обитаемого» пространства охотников-олeneводов (в том числе временно покинутые места стойбищ и стоянок) как то:

- полуразрушенные остатки прежних «оленьи огородов»;

- затесы на деревьях, указывающие на направления движения охотников к местам охоты на копытных и пушного зверя, к местам сезонного лова рыбы и, возвращения на стойбище/временную стоянку;

- огороженные наклонно вбитыми в землю кольями летние кострища – дымокуры и навесы - укрытия для оленей;

- явно просматриваемые на поверхности следы регулярных проходов домашних оленей (тропы) во время сезонных перекочевок к очередным стоянкам бесснежного периода;

- следы вырубки деревьев в участках временно покинутых сезонных стоянок;

- расчищенные от подлеска и узкие просеки – «дороги» для проезда на нартах и снегоходах;

- аккуратно сложенные скопления спиленных оленьих рогов, поношенная обувь, вышедшая из употребления посуда, горизонтальные жерди – вешала, закрепленные на рядом стоящих деревьях при помощи вбитых в деревья клиньев, а также оставленные на месте (развешанные по периметру прошлой стоянки) мелкие бытовые вещи, оставленные постоянными обитателями «как память» о своем пребывании.

Столь же постоянными, читающимися на местности являются маршруты передвижений охотников, имеющих постоянное место жительства поселениях «русского типа» (районные центры, села и деревни). В границах индивидуальных охотничьих и рыболовных угодий обычно располагаются одно – два зимовья, от которых в радиальном направлении расходятся «путики» - замкнутые на зимовье тропы, на которых устанавливаются пассивные орудия лова на пушного зверя и боровой птицы (капканы, пасти, кулемки) и к которым привязаны сезонные активные (с ружьем и охотничьей собакой) виды промысла.

Участки рек, связанные с регулярным ловом рыбы («улова») как правило маркируются каркасами временных жилищ («чумов»), иногда, оставленными для следующего захода легкими лодками (плоскодонными деревянными «шитиками», «берестянками» - легкими лодками типа байдарки). Подобного рода стоянки распознаются по следам стационарных очагов-кострищ с устроенными над ними приспособлениями для подвески посуды для приготовления еды и чая.

Все выше перечисленное служит для наблюдательного путешественника (геолога, нефтяника, водителя тяжелого транспорта), надежным указанием на то, что пересечение этой местности требует повышенного внимания и уважительного отношения к месту – «таежному дому» коренного населения этой территории.

К местам и объектам ритуального назначения принято относить отдельные выдающиеся на местности элементы ландшафта, в том числе:

- выделяющиеся на местности отдельные сопки правильной округлой формы;

- отдельно стоящие скальные останцы, которые могут в определенном ракурсе напоминать фигуры человека или зверя;

- скальные обнажения по берегам крупных рек и их мелких притоков, а также скальные гряды, стоящие на водоразделах речных долин;

- одиноко стоящие высокие деревья, иногда расщепленные молнией или имеющие необычную форму кроны;

- старые брошенные поселения;

- открытые, свободные от леса участки тайги (поляны, безлесные возвышенности) с явными или слабо читаемыми следами регулярных присутствий человека (вырубки леса на полянах и возвышенностях; затесы на деревьях по периметру объекта; следы

многократных кострищ, иногда обложенных каменными плитами; куполообразные и пирамидальные каменные выкладки);

- места проведения разовых и многократных шаманских и языческих ритуалов, обозначенные остатками жердевой основы чумов, изготовленными из дерева настилами, на которых и подле которых могут располагаться деревянные стилизованные изображения птиц, зверей и неких зооморфных существ;

- места коллективных захоронений (кладбища в районе старых поселений) и отдельные могилы в тайге.

Ритуально-культурное значения выделенных мест и объектов определено следующим:

- тем, что они по настоящее время могут активно использоваться местным населением для регулярного отправления календарных обрядов (поминок по усопшим предкам, сезонных ритуальных молебнов, праздников, шаманских обрядов и т.п. действий);

- являться объектами традиционного поклонения «духам-хозяевам» природы и промысловых животных;

- наконец, сакральными (запретными для посещения «чужими») пунктами, особо охраняемыми местами, несущими в себе «память» нескольких поколений носителей религиозно-исторических традиций местного коренного и русского старожилого населения. Большая часть из этих объектов, за исключением изображенных на скальных обнажениях петроглифов (рисунков), не включена до сих пор в перечень объектов «мирового культурного наследия». Тем не менее, **для местного населения эти объекты являются священными и их частичное, тем более полное нарушение, безусловно, явится причиной конфликтов.**

Для постороннего наблюдателя, не знакомого с обрядовой практикой местного населения (особенно эвенкийского и якутского) культовые объекты и места в условиях труднодоступной таежной местности, за редким исключением (например, действующие кладбища), на местности трудно различимы. Основное правило в этой связи состоит во внимательном осмотре местности в ходе проведения маршрутных разведочных работ, подготовки площадок для обустройства месторождений, прокладки транспортных магистралей (автодорог, лежневок, зимников, продуктопроводов). Следует особо подчеркнуть **необходимость предваряющих работы консультаций с местным населением по поводу возможности обнаружения в районе тех или иных работ объектов культово-ритуального назначения.**

Культовые объекты, как правило, располагаются в труднодоступных, окруженных густой порослью хвойных и лиственных древостоев участках в стороне от дорог и натоптаных троп. Маркерами (знаками), указывающими на возможность наличия в таежных массивах объектов культового значения являются:

- наземные надмогильные сооружения в виде рубленных из тонкого леса шалашевидных срубов, сопровождаемые деревянными крестами, оградами из выложенных на земле в один венец рубленных или пиленых бревен;

- развешанный на деревьях, на специальных жердях - «вешалах» или выложенный на свайных помостах - «лабазах», рядом с надмогильным сооружением или без него «сопроводительный» инвентарь: металлическая посуда, одежда, бытовой хозяйственный инвентарь, инструменты и деревянные копии огнестрельного и колющего оружия; явным признаком того, что обнаруженные предметы являются ритуальным подношением покойному является их сознательное искусственное повреждение; на наличие скрытого (находящегося в погребенном состоянии) погребения могут также ука-

зывать оставленные на дереве, на земле, на помосте «священные» части скелета животных (лапы и череп или клыки медведя, черепа и шкуры северного оленя);

- в отдельных (крайне редких) случаях погребения могут быть устроены в дуплах больших деревьев, в развилках ветвей или на устроенных на двух-четырех опорах (пеньках деревьев или столбах) деревянных дощаных (в полбревна колотых) настилах-помостах;

- безусловно, культовое значение имеют оставленные в развилках деревьев (кедр, сосна), на невысоких пнях или в дуплах, завернутые в прутья черепа медведя, лося, соболя; в данном случае эти находки являются знаками, указывающими на обряд реинкарнации (возрождения) добытого охотником зверя или на обряд подношения добытого зверя «хозяину тайги»;

- на наличие возможных местонахождений культовых мест часто указывают картографические материалы – названия речек и ручьев; например – гидроним *Чукиль* является явным указанием на то, что в этом месте было произведено ритуальное захоронение скелета медведя (эвенк. *Амака* ~ *дедушка, предок*) или *Гули* ~ *гулик* – могила, захоронение;

- маркерами места шаманских ритуалов («камланий») могут, кроме деревянных антропоморфных и зооморфных (изображающих человека или животное) изображений, являться остовы чумов, установленные в два ряда (в виде аллеи) срубленные тонкоствольные березы или лиственницы, грубо вырезанные (вырубленные) на растущих вокруг поляны деревьях «личины» человека;

- иные ритуальные места (пункты жертвоприношений «хозяину места», «покровителю охотника» чаще всего располагаются возле одиноко стоящих скальных останцев, скальных обнажений, больших валунов; как правило, на культовых характер места могут указывать: развешенные на рядом стоящих деревьях и кустарниках яркие лоскутки материи, стрелянные гильзы и целые патроны, монеты, табачные изделия, аккуратно уложенные скопления винно-водочной стеклянной посуды и другие «подношения»;

- некий ритуальный смысл заложен в обычных на первый взгляд охотничьих зимовьях и продуктовых лабазах-хранилищах; среди оставленного охотником инвентаря и того, что непосвященному может показаться «мусором» (челюсти щуки, тайменя, лося, лапы медведя и т.д.) могут оказаться предметы сакрального (культового) значения, а само по себе оставленное охотником зимовье, с точки зрения местного населения, является прибежищем благоприятствующих или враждебных по отношению к постороннему «духов тайги».

Этичное, с точки зрения местного населения «порядочное» поведение постороннего (не включенного в традиционное природопользование) человека в тайге определяется двумя позициями. Первая - **уважительное отношение к природе** и, вторая – **сохранением каких-либо следов деятельности древнего и современного человека, что подразумевает соблюдение правила – «не тобой оставлено – не трогай».**

Как это понимать? Очень просто! Как отмечалось выше с точки зрения коренного и русского старожилого населения таежные уголья, и обжитая несколькими поколениями их предков тайга, в целом являются второй по значению составной частью их представления о «родном доме». В соответствии с этим, нормальным считается тот человек, который **не гадит в «доме», не оставляет в нем и вокруг него мусор, не**

захламляет «придомовую» территорию, не разводит где попало огонь, не позволяет себе поступки достойные вора или «слона в посудной лавке».

Баловством, недостойным для нормального, осознающего себя взрослым (даже если еще подросток) человека считается так называемая «спортивная стрельба по бутылкам», убийство птицы и зверя без особой на то нужды, бесцельное шатание по тайге (таких называют «шатунами») под громкое пение, свист, крики или в сопровождении музыкальных записей. **«Тайга тишину любит, беспокойному – мстит»** - это правило поведения, известное каждому начинающему таежнику, соблюдается достаточно строго, особенно – **в районах расположения культовых объектов.**

Следующее правило, касающееся **любого человека**, идущего по тайге, можно характеризовать фразой – **«Слепому и глухому и в городе, и в тайге худо; или машина задавит, или другая какая беда приключится».** Думающий, **внимательный человек** в тайге вовремя, по известным приметам (смотри выше!) отметит место, к которому **подходить из праздного лишь любопытства не только не следует, но иногда и опасно.**

До настоящего времени местное население, в особенности старшего возраста (после 30 лет) достаточно **трепетно относится к местам расположения перечисленных выше культовых объектов и священных мест.** Каждый охотник или же идущий таежной тропой человек (ягодник, грибник, рыболов и т.п.) **как правило, обходит стороной одиночные брошенные в тайге могилы, заброшенные жилые и хозяйственные постройки, древние наземные или наскальные «святотелища»** и прочие подобные места. К такому поведению его побуждает искренне убеждение в том, что брошенные человеком обжитые места и строения, как и объекты ритуальных действий, являются прибежищем потусторонних сил и враждебных человеку «духов», закрепленное с малых лет осознание того, что «беспокоить» могилы предков и места их обитаний – «большой грех». Исходя из этих соображений, полагают, что нарушителю этих правил поведения в тайге предстоит получить, **как минимум общественное осуждение на собрании сельского схода.**

Настоящий таежник без выбора, где попало, не остановится на ночлег или перекусить в пути, не разведет костер на сухом мхе, траве или на торфянике. Место для костра очистит от веток, если есть возможность – обложит камнем, и, **уходя от костра, обязательно зальет кострище водой или засыплет землей!** Осторожное обращение с огнем – обязательное правило для курильщика. **Не кури на ходу, выбери место для перекура и загаси спичку, окурок!**

«Камень, дерево, каждая кочка и мочажина имеют свою душу» - рассуждает местный коренной житель. «Прежде чем срубить дерево, сломать куст, поставить ногу на землю – подумай об этом, нужно ли тебе так поступать! Рубишь дерево, на избу ли, на костер ли сухостоину, оставляй низкий пенек. Об высокий пенек сам споткнешься, зверь ногу ранит, лыжу охотничью или буранную обломаешь. Просеку рубишь для тропы – куст или тонкостой не руби насовсем, наполовину подруби и нагни подрубленный ствол в сторону от тропы. «Буранку» (дорогу для вездехода) чистишь или большую дорогу готовишь – лес по обочине не сваливай, другому человеку путь загородишь, зверю тропу завалишь».

Попутное, встреченное на охотничьей тропе чужое зимовье, лабаз (поднятое на опорах надземное хранилище продуктов и инвентаря) достаточно часто, **даже в отсутствии хозяина,** становится пристанищем или «пунктом снабжения» заблудившегося в тайге или запоздавшего путника. Такое событие, как и пользование всем оставленным в зимовье или лабазе имуществом (продукты, керосин для лампы, горючее

для мотора, спальные принадлежности и т.п.) – рассматривается как рядовое, **соответствующее принятому обычаю таежного гостеприимства и взаимопомощи**. В то же время действует правило: - **попользовался вещью** (чайник, топор, керосиновая лампа и т.д.) – **не бросай где попало, положи туда где взял; ночью дрова пожог – утром сходи, наруби, оставь в зимовье вместе с берестяной растопкой; продукты поел, взял в дорогу чужой запас – оставь в зимовье (на лабазе) записку – благодарность хозяину, по возможности верни взятое**.

Составившие эту памятку убеждены в том, что **строгое соблюдения** этих нехитрых, известных каждому выходящему в тайгу местному жителю правил явится залогом того, что работающему в тайге на хозяйственных участках территории «родовой общины» сотруднику Иркутской нефтяной компании или подрядной организации удастся не только миновать возможные конфликты с местными жителями, но и завоевать у них уважительное добрососедское, взаимовыгодное отношение. Впрочем, должен заметить, что всей совокупности правил «этичного» поведения в тайге и в «особых, культовых» местах перечислить невозможно. И, потому, напоследок последнее правило – **прежде чем идти в чужую тайгу, что-то в ней делать, поговори с местными жителями, посоветуйся! Как говорится в народе – «за спрос не убьют, а уму научат!** Постоянные контакты с населением всегда лучше поведения «вооруженного техникой нового хозяина – покорителя дикой природы»!

Правила разработаны:

Отделом по связям с общественностью ООО «ИНК»

совместно с доцентом кафедры археологии,

этнологии, истории древнего мира

Иркутского госуниверситета М.Г. Туровым

и председателем «Союза содействия КМНС Иркутской области»

Н.Г. Вейсаловой.